

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Судьба субъекта после конца истории

Рапорт Ева Вадимовна

Аспирант

Государственный университет - Высшая школа экономики, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: chukotkasun@bk.ru

В 30-е годы XX века в Париже в Высшей школе практических исследований Александром Кожевом – французским философом русского происхождения – были прочитаны лекции, посвященные «Феноменологии духа» Гегеля, которые в разное время посещали едва ли не все наиболее видные французские интеллектуалы, не исключая и постмодернистов. Известно, что в разное время его лекции слушали Мерло-Понти, Левинас, Бретон, Кено, Фуко, Батай, Бланшо, Лакан, Сартр, по всей вероятности не присутствовал лично на лекциях, но был знаком с их содержанием, и многие другие.

То или иное влияние идей Кожева, чьи лекции пользовались столько широкой популярностью, на последующую французскую философию сложно было бы отрицать. При этом одним из центральных направлений французской мысли было формирование идей постмодерна – специфического дискурса, противопоставлявшего себя модерну и указывавшего на то, что модерн завершен и многие принципиальные для него представления, тенденции и феномены должны стать частью истории, уступив место чему-то новому, даже если это новое пока более всего сосредоточено на полемике, на отрицании старого. Тогда как одна из центральных идей, которые теперь вычитываются из «Введения в чтение Гегеля» (книги, по сути, являющейся конспектом тех самых лекций тридцатых годов) – это идея о конце истории, о том, что история как некое восходящее эволюционное развитие уже завершена.

Сходная финалистская направленность двух в принципе различных и неравнозначных философских направлений, помимо факта знакомства французских мыслителей с идеями Александра Кожева, дает основание для попыток сопоставления их в тех или иных аспектах. Проблематика конца истории уходит своими корнями в модерн, восходит к тем самым специфически модернистским представлениям о прогрессе, эволюционном развитии, о центральном месте субъекта в социальных, исторических, культурных и прочих процессах. В то время как одним из основных тезисов постмодернизма как раз является тезис о смерти или конце субъекта, что означает, что индивидуальный субъект перестает мыслиться как субъект действия, в том числе и потому, что, как кажется постмодернистам, в истории и культуре происходят процессы, над которыми он не властен, которые происходят вне него и помимо его воли.

Субъект устранивается в том числе и как автор. Последний утрачивает в глазах постмодернистов (в первую очередь Ролана Барта и Мишеля Фуко) свою позицию господствующего по отношению к создаваемому им тексту, а на первый план выходит понятие безличного письма. Автор более не субъект, по отношению к которому книга могла бы быть предикатом [1, с. 386]. Но в то же время сознание всякой личности начинает мыслиться как сумма текстов, любой индивид – внутри текста.

Однако нет ли здесь все-таки определенных параллелей, которые, прежде всего, можно было бы проследить через мысль Кожева?

Если иметь в виду наиболее оптимистический вариант дискурса конца истории – вариант Фукуямы, то может на первый взгляд показаться, что в этих позициях нет сходств, а есть только противоречия. Ведь американский политический философ предполагает историю завершённой именно благодаря возникновению и утверждению в своих правах общества либеральной демократии, которое «определённо разрешило вопрос о признании путем замены отношений господина и раба универсальным и равным признанием. То, что искал на протяжении всей истории человек, <...> он наконец нашел и полностью удовлетворен» [7, с.22]. При том, что жажда признания (еще по мысли самого Гегеля, которого Кожев и Фукуяма здесь только интерпретируют и цитируют) и невозможность полноценного удовлетворения этой жажды как раз и являются или являлись главной движущей силой истории.

Но с другой стороны, в видении Кожева, абсолютное знание гегелевской философии – это как раз и есть знание индивида о его радикальной конечности. Больше того, Кожев заявляет, что человек, понятый как субъект, не может быть носителем абсолютного знания. Поэтому смерть субъекта или человека, о которой он говорит задолго до Фуко, происходит одновременно с концом того мира, который можно было понимать как арену человеческой истории [цит. по 3, с. 153]. Носителем абсолютного знания, с точки зрения Кожева, может быть только бумага.

По мнению Б.Гройса, и сам Кожев интерпретирует себя именно в качестве такого чисто материального носителя и «переносчика» гегелевской системы: не как «философа», а как «мудреца» — не как стремящегося к истине, а как копирующего ее [3, с. 155-156]. Всякий человек вообще прекращает быть субъектом культуры и становится материальным носителем культурного репродукции.

Параллели с творчеством Фуко и Ролана Барта здесь более чем очевидны. При этом не только слова и действия – следствие личного выбора Александра Кожева, но и вся его интеллектуальная судьба, судьба озвученных им идей красноречиво иллюстрируют тезисы о смерти автора и субъекта: так как при всей несомненности его влияния и авторы, на которых он, собственно, повлиял, и многочисленные их исследователи крайне редко упоминают его имя. В то время как теоретики смерти автора (Барт, Фуко, в некоторой мере Деррида и другие) утверждают невозможность создания нового, авторского, их дискурсы как раз носят вполне авторский и уникальный характер, тогда как Кожев, сформулировав собственное видение конца истории, стремился держаться в тени гегелевской философии, потому что сам по себе дискурс о конце истории не может быть «новым шагом» на пути философского развития [3, с. 152].

Литература

1. Барт Р. Смерть Автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: 1994. С. 384-391.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Система наук. СПб.: Наука, 1999.
3. Гройс Б. Философ после конца истории. Ускользящий контекст. Русская философия в постсоветских условиях. Материалы конференции (Бремен, 25-27 июня 1998 г.). М.: Ad Marginem, 2002. С. 147-160.
4. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003.

5. 5. Лиотар Ж-Ф. Состояние Постмодерна. СПб., 1998.
6. 6. Фуко М. Что такое автор. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996.
7. 7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.